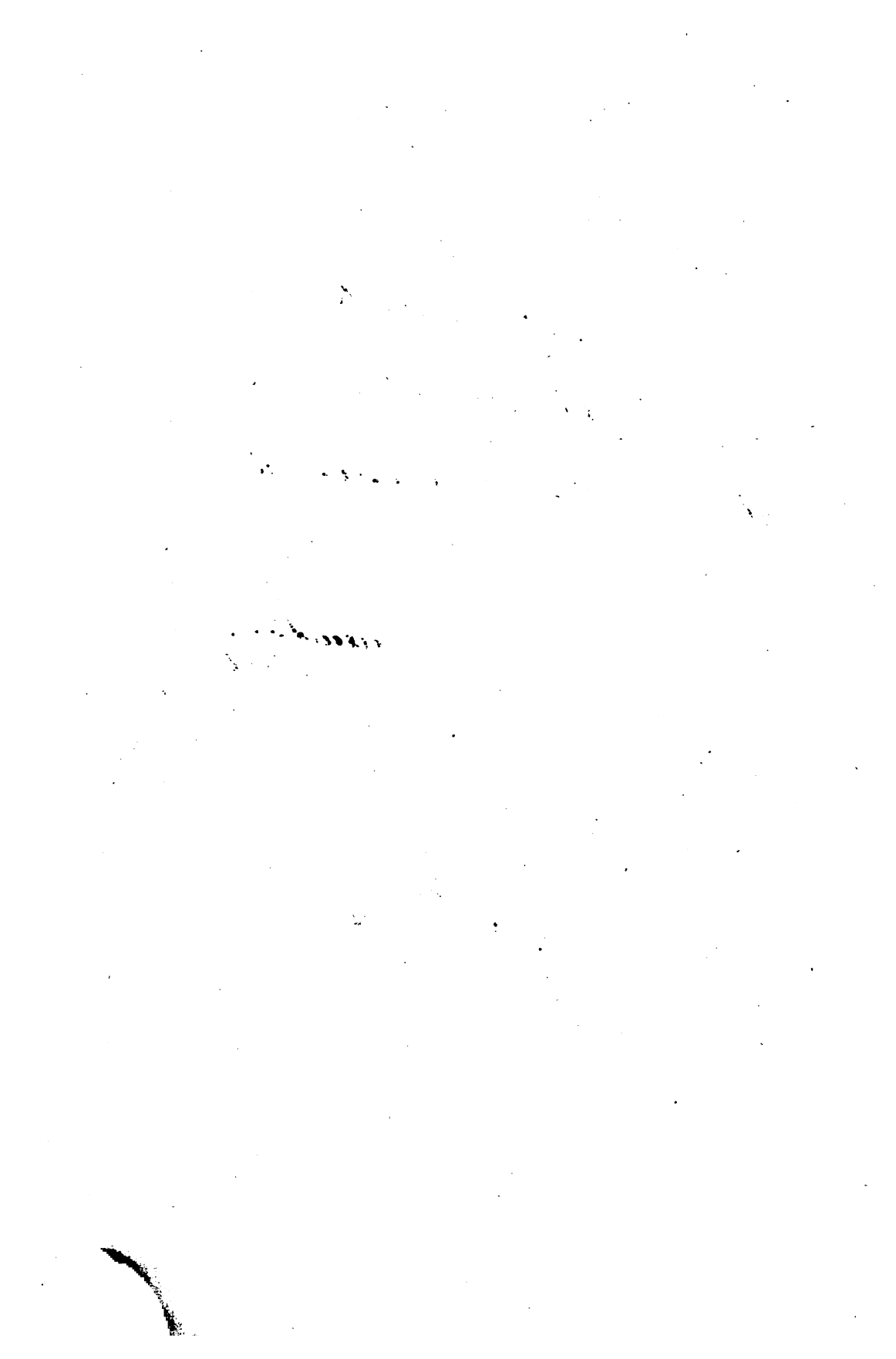

ПЛЪНЪ У ШАМИЛЯ.

12652

2 изд.

1574

3.961.786

8312

Е. А. Вердеревскій

ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ О ВОСЬМИМЪСЯЧНОМЪ И ШЕСТИ-
ДНЕВНОМЪ (ВЪ 1854—1855 г.) ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЛѢНУ
У ШАМИЛЯ СЕМЕЙСТВЪ:

ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРА

КНЯЗЯ ОРБЕЛІАНИ

И ПОДПОЛКОВНИКА

КНЯЗЯ ЧАВЧАВАДЗЕ,

ОСНОВАННАЯ НА ПОКАЗАНІЯХЪ ЛИЦЪ, УЧАСТВОВАВШИХЪ ВЪ СОБЫТІИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. Е. А. Вердеревскаго.

1756

1756

Исфакъ
СГУ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1856.

ПЕЧАТЪ У ШТАМПА

1631

.245

.811

.93

ПЕЧАТЪ У ШТАМПА

ПЕЧАТЪ У ШТАМПА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Мая 18 дня 1856 года.

Ценсоръ А. Фрейганъ.

ПЕЧАТЪ У ШТАМПА

ПЕЧАТЪ У ШТАМПА

1724

1724

ПЕЧАТЪ У ШТАМПА

ПЕЧАТЪ У ШТАМПА

1856

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЕМЕЙСТВАМЪ И ПОТОМСТВУ

КНЯЗЯ ДАВИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА И КНЯГИНИ АННЫ ИЛЬНИЧНЫ

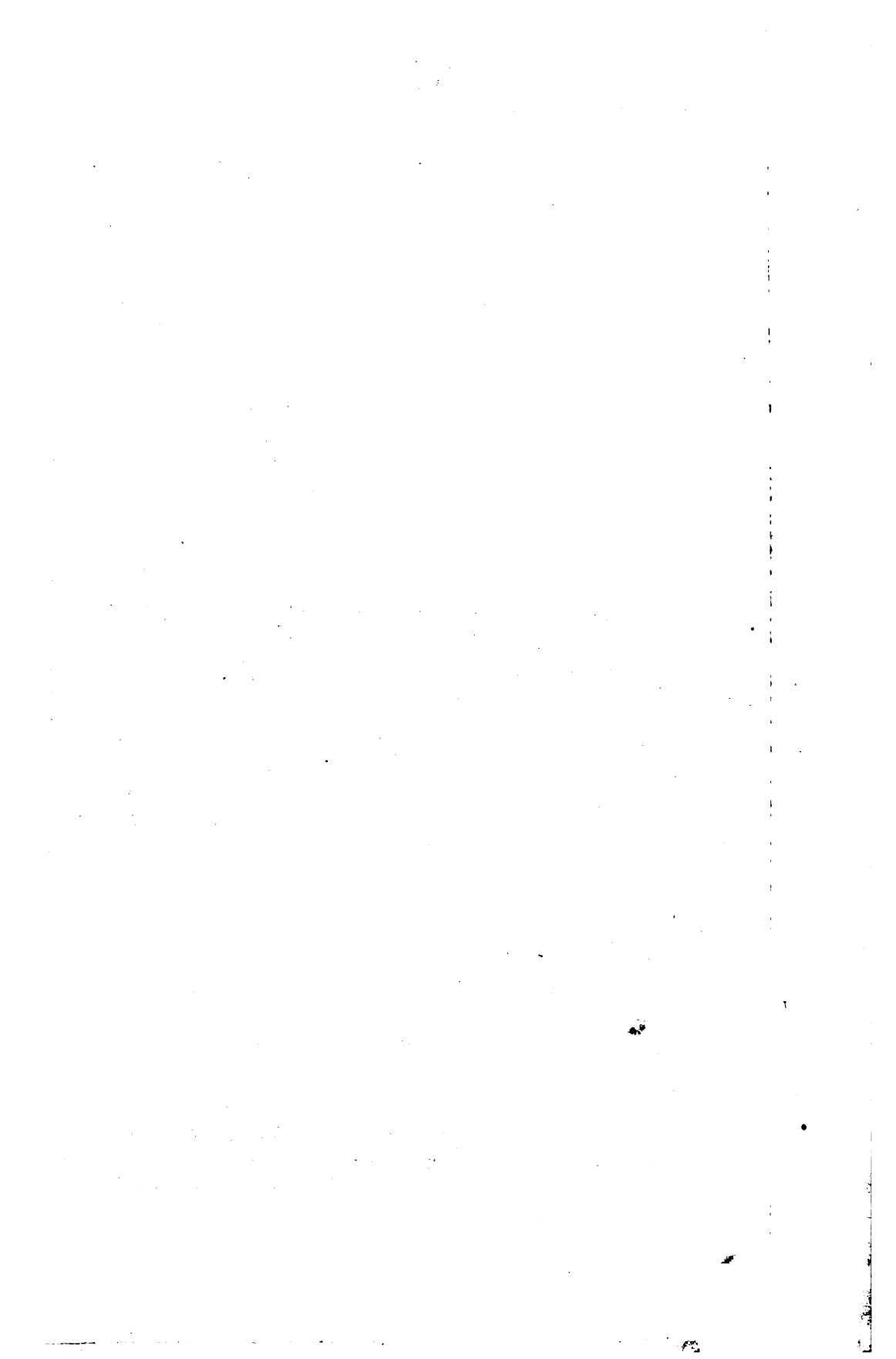
ЧАВЧАВАДЗЕ,

И

КНЯГИНИ ВАРВАРЫ ИЛЬНИЧНЫ

ОРБЕЛИАНН.

ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

Правдивая повесть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ въ (1854 — 1855 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ: покойнаго генерал-майора князя Орбелани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Событія, подобныя названному въ заглавіи настоящаго повѣствованія, представляются людямъ просвѣщенныхъ современныхъ обществъ какъ страшные, потрясающіе анахронизмы, какъ полузабытыя, почти сказочныя преданія невозвратныхъ временъ варварства, какъ отрывки изъ разсказовъ *Фенимора Купера* о тѣхъ кровавыхъ ужасахъ, которые послѣдовали за первымъ столкновеніемъ европейскихъ переселенцевъ съ дикими, первобытными обитателями Сѣверной Америки.

И просвѣщенные современные люди совершенно правы: событія, подобныя описываемому въ этой книгѣ, къ счастью нынѣшнихъ обществъ, дѣйствительно уже походятъ на анахронизмы и въ наше время возможны только лишь тамъ, гдѣ, какъ на сценѣ героевъ Купера, еще существуетъ близкое сосѣдство варварства съ просвѣщеніемъ, язычества или исламизма съ христіанствомъ; а такихъ мѣстностей почти уже нѣтъ въ современной Европѣ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ провинцій Турціи, гдѣ и до-сихъ-поръ развѣ играются ужасающія драмы между подданными — христіанами и ихъ властителями — мусульманами.

Но такія именно мѣстности, именно такія близкія сосѣдства и столкновенія жизни христіанской и просвѣщенной съ жизнью дикаго варварства еще встрѣчаются кое-гдѣ у окраинъ неизмѣримой Россіи; такъ, напримѣръ, онѣ существуютъ и на Кавказѣ.

Потому-то на Кавказѣ въ XIX вѣкѣ еще возможно и даже почти неизумительно все то, что уже несбыточно въ остальномъ просвѣщенномъ мірѣ и на что тамъ взирають съ искреннимъ ужасомъ и болѣзненнымъ участіемъ.

Громами войны и миротворнымъ вліяніемъ цивилизаціи мало-помалу укрощается и покоряется на Кавказѣ то враждебное всякой цивилизаціи начало, которое, подъ разными именами, олицетворяется въ дикихъ временахъ непокорныхъ намъ горцевъ.

И славная эта борьба, борьба русской цивилизаціи съ гнѣздящимся въ здѣшнихъ горахъ варварствомъ, неослабно длится къ вѣчной славѣ Россіи.

Но судьбы всякой борьбы перемѣчивы. Случайный успѣхъ, кратковременная удача бывають иногда и на сторонѣ постоянно-побѣждаемаго варварства, и тогда, легко себѣ представить, чѣмъ спѣшитъ оно мстить христіанству и просвѣщенію за прежнія, всегдашнія свои пораженія.

Разсказъ о бѣдствіи, постигшемъ въ 1854 году семейства князей Орбеліани и Чавчавадзе и есть не что иное, какъ яркая картина тѣхъ послѣдствій, которыми всегда сопровождаются временныя торжества всякаго невѣжества надъ просвѣщеніемъ, и которыми, на этотъ разъ, сопровождалась одна изъ случайныхъ и, въ политическомъ значеніи, ничтожныхъ удачъ враждующаго съ нами варварства Чечни и Дагестана.

Таково, по моему мнѣнію, главное значеніе событія: значеніе историческое.

Нѣтъ надобности прибавлять, что и другое его значеніе любопытно въ высшей степени; что оно въ первый разъ открыло намъ цѣлый новый міръ нравовъ, міръ, доселѣ бывшій для насъ таинственнымъ: все это само собою окажется въ повѣствованіи. Но не безполезно предварить читателя, что ни въ содержаніи, ни въ формѣ разсказа не допущено ни малѣйшаго отступленія отъ истины. Относительно содержанія я, въ настоящемъ случаѣ, постигалъ всю важность простоты; я понималъ, что событіе уже само въ себѣ заключаетъ столько драматизма, что прибѣгать къ литературнымъ эффектамъ было бы недостойно ни повѣствованія, ни самого событія. Да и какіе эффекты не были бы жалки передъ лицомъ громадной истины этой невымышленной драмы?...

Что же касается до формы изложенія, то, раздѣляя разсказъ на главы, я даже и въ этомъ случаѣ не поступалъ произвольно, а покорялся необходимости, указанной мнѣ сложностью и разнообразіемъ эпизодовъ.

Е. В.

Часть первая.

I.

ПЕРВЫЕ СЛУХИ. — ВПЕЧАТЛѢНІЕ ВЪ ТИФЛИСѢ. — НѢСКОЛЬКО
ФАМИЛЬНЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ. — КАХЕТІЯ И ЦИНОНДАЛЫ. —
ОБЫЧНЫЕ И СЛУЧАЙНЫЕ ЦИНОНДАЛЬСКІЕ ЖИТЕЛИ.

Первый слухъ о нападеніи лезгинъ на Кахетію достигъ Тифлиса утромъ во вторникъ, 6-го іюля. Всѣ въ городѣ были изумлены дерзостью хищниковъ, никогда прежде не рѣшавшихся переходить Алазань; но изумленіе и всѣ другія чувства, естественно-возбужденныя страшнымъ извѣстіемъ, уступали мѣсто истинному, глубокому, всеобщему соболѣзнованію о бѣдственной судьбѣ семейства князя Орбеліани и князя Чавчавадзе, похищенныхъ лезгинами изъ Цинондалъ, родового имѣнія князей Чавчавадзе.

Въ первое время никто не зналъ подробностей похищенія, а потому никто не разсуждалъ, никто не дѣлалъ никакихъ заключеній: всѣ были до какого-то онѣмѣнія поражены печальнымъ событіемъ. Городскіе жители встрѣчались молча, или мѣнялись лишь односложными фразами:

— Слышали?

— Слышалъ.

И затѣмъ уста какъ-бы отказывались говорить о происшествіи, чтобъ еще разъ не повторить или не подтвердить страшной существенности, которой не хотѣлось вѣрить; а слухъ въ то же время желалъ услышать что-нибудь похожее на опроверженіе...

Нѣкоторые изъ тифлисскихъ знакомыхъ несчастнаго семейства, люди, давно-состоящіе на службѣ и принадлежащіе къ высшему тифлисскому обществу (*), подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія горести, выразили ее слѣдующимъ образомъ: они изъявили готовность и просили разрѣшенія ѣхать къ Шамилю, чтобъ, хоть цѣною своей неволи, купить освобожденіе плѣнныхъ княгинь и дѣтей ихъ. Разумѣется, что этотъ планъ остался несбыточнымъ, хотя и благороднымъ, порывомъ самоотверженія...

(*) Капитанъ Гвардіи кн. Г., Гвардіи полковникъ И. А. Б. и штабс-капитанъ Гвардіи Б—въ.

Командовавший въ то время войсками и управлявший гражданскою частью на Кавказъ и за Кавказомъ, всѣми уважаемый генералъ-отъ-кавалеріи Н. А. Редъ, въ письмѣ своемъ къ отцу плѣнницъ, царевичу Ильѣ Георгіевичу, выражалъ неменѣе искреннее и глубокое соболѣзнованіе. Между-прочимъ, онъ писалъ слѣдующее :

«...Богу угодно было сокрушить всѣ мѣры человѣческой предосторожности и допустить злодѣевъ напасть на Кахетію, гдѣ первыми жертвами хищническаго нападенія сдѣлались дочери и внуки вашей свѣтлости.

«Несчастье это безмѣрно, какъ и горѣсть, которою теперь поражено отеческое сердце вашей свѣтлости ! Считаю грустнымъ долгомъ выразить глубочайшее мое прискорбіе о великой уtratѣ, ниспосланной на семейство ваше Провидѣніемъ ; но , въ то же время не могу не утѣшать себя упованіемъ , что не потеряна надежда на избавленіе злополучныхъ членовъ семейства вашего изъ рукъ хищниковъ. Провидѣніе, поразившее дѣтей вашихъ, а съ ними и всѣхъ насъ, конечно, не оставитъ ниспослать и собыя къ облегченію ихъ участи»... (*)

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, чѣмъ отозвалось въ Тифлисъ первое извѣстіе о плѣненіи семействъ князей Орбеліани и Чавчавадзе, въ Тифлисъ, гдѣ близкое сосѣдство всегдашней войны уже такъ приучило жителей къ кровавымъ хроникамъ!...

Такое сильное сочувствіе къ бѣдствію двухъ княжескихъ семействъ , конечно , прежде всего было основано на всеобщемъ убѣжденіи, что нѣтъ такихъ физическихъ страданій и моральныхъ униженій, которыя не могли бы постигнуть безпомощныхъ женщинъ, съ еще болѣе безпомощными дѣтьми, въ плѣну у враговъ жестокихъ , непросвѣщенныхъ , незнакомыхъ съ чувствами христіанскаго состраданія или уваженія къ несчастію. На Кавказѣ хорошо знаютъ, что такое плѣнъ у кавказскихъ горцевъ !... Но, кромѣ этой, такъ-сказать, общечеловѣческой причины соболѣзнованія, въ здѣшнемъ краѣ были еще и другіе, особенные поводы къ усиленію всеобщей горести.

Двѣ сестры-плѣнницы , матери шестерыхъ маленькихъ плѣнницъ и плѣнниковъ, были дочери царевича грузинскаго и внуки

(*) Письмо это, также, какъ и извѣстіе о плѣненіи княгини, не застало царевича въ живыхъ : онъ скончался 18-го іюля, а извѣстіе о плѣнѣ получено въ Москвѣ 22-го.

последняго вѣнчаннаго государя Грузіи (Георгія XIII). Имена мужей плѣнницъ: князя Орбеліани и князя Чавчавадзе — также имена здѣсь историческія и любимыя. Всѣ знали, любили и уважали генерал-майора князя Илико (Ильи) Орбеліани, геройскою смертію павшаго отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Баш-Кадыкляромъ (*). Всѣ помнили послѣдніе и прежніе подвиги доблестнаго молодаго генерала, бывшаго достойнымъ представителемъ высшаго въ Грузіи сословія, того сословія, котораго истиннымъ украшеніемъ всегда были также и князя Чавчавадзе.

Права происхожденія и заслугъ отечеству со стороны этихъ двухъ, какъ и другихъ почетнѣйшихъ фамилій, въ настоящемъ случаѣ содѣлывались важными правами на особенное народное сочувствіе къ постигшему ихъ несчастію.

Наконецъ, для жителей здѣшняго края, взвѣшивавшихъ и измѣрившихъ всю великость бѣдствія плѣнницъ немаловажнымъ поводомъ къ особенному соболѣзнованію были и обстоятельства, предшествовавшія ихъ бѣдствію. Всѣмъ въ Тифлисѣ болѣе или менѣе было извѣстно, въ какой степени уже и безъ того была несчастлива въ своей участи княгиня Варвара Ильинична Орбеліани; что послѣдній, разразившійся надъ нею ударъ судьбы застигъ ее неоправившеюся еще отъ другаго недавняго и немнѣе-тяжкаго удара; что только черезъ полтора года послѣ замужства и за полгода до несчастнаго плѣна, княгиня схоронила своего обожаемаго мужа въ одной могилѣ съ первенцемъ-сыномъ (**).

Люди, знакомые со всѣми этими обстоятельствами, невольно поражались жестокостью испытаній, такъ быстро одно за другимъ упадавшихъ на слабую женщину, и невольно приходили къ вопросу: какія же силы нужны человѣку, чтобъ перенести столько горестей, и чему еще должно подвергнуться въ безотрадномъ плѣну растерзанное сердце молодой страдальцы?...

Но если прежнія несчастія княгини Варвары Ильиничны Орбе-

(*) Замѣчательно, что князь Илико Орбеліани самъ находился также восемь мѣсяцевъ въ плѣну у Шамиля, будучи измѣннически захваченъ, въ 1842 году, при нашествіи Шамиля на казикумыхскую плоскость. Отецъ же его долгое время былъ въ плѣну у персіянъ. Невольно представляется мысль, что плѣнъ — наслѣдственное бѣдствіе этого семейства!

(**) Погребеніе князя И. Орбеліани и его младенца-сына происходило въ Тифлисѣ, 20-го декабря 1853 года.

ліани могли быть поводомъ къ усиленному всеобщему соболѣзнованію въ настоящемъ случаѣ, то, по странному противорѣчію, неменѣе важною причиною особеннаго всеобщаго прискорбія было и долговременное прежнее счастье другой плѣнницы, княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе. Казалось, что ударъ бѣдствія встрѣтить сердцемъ, незнававшимъ въ жизни ни одного скорбнаго впечатлѣнія, неменѣе-трудно, какъ и встрѣтить его сердцемъ, уже разбитымъ другими недавними несчастіями... Трудно даже рѣшить, что труднѣе?... Княгиня Анна Ильинична, въ семилѣтнемъ замужствѣ за княземъ Давидомъ Александровичемъ Чавчавадзе, не испытала ничего, кромѣ отрадныхъ чувствъ счастливой жены и столько же счастливой матери. Общественное положеніе, совершенное семейное благополучіе, полная и даже, можно-сказать, роскошная обеспеченность въ средствахъ къ жизни, посреди роскошнѣйшей изъ провинцій Закавказья—все это вмѣстѣ могло скорѣе изнѣжить душу женщины, чѣмъ закалить ее для перенесенія великаго испытанія. Короче сказать, какъ то, такъ и другое положеніе двухъ сестеръ-плѣнницъ, казалось, одинаково требовало самыхъ жаркихъ, самыхъ искреннихъ проявленій общественнаго участія, и дѣйствительно вызвало его не только въ Грузіи и Тифлисѣ, но и въ цѣлой Россіи: пишущій эти строки имѣетъ въ рукахъ своихъ безчисленныя тому доказательства (*).

Неменьшее участіе возбуждалъ и самъ владѣлецъ цинондальскій, князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, въ нѣсколько дней потерявшій почти все семейство и почти все состояніе! Чтобъ понять, что перенесъ, чего лишился онъ и чего вообще лишились всѣ дѣйствующія или, лучше сказать, страдающія лица событія, надобно прочесть до конца всю грустную ихъ повѣсть; но прежде всего должно хоть немного познакомиться съ Цинондалами и Кахетіей.

Кахетія всегда была самоцвѣтнымъ камнемъ въ коронѣ царей грузинскихъ. По мѣстоположенію, мягкости климата, богатству почвы, питающей лучшіе сады въ цѣломъ краѣ, Кахетія несравненно-благодатнѣе знойно-каменистыхъ участковъ тифлискаго и душетскаго и даже разнообразныхъ и богатыхъ долинъ горійскаго. Природа щедро наградила этотъ уголокъ Грузіи всеми луч-

(*) Они состоятъ во множествѣ писемъ, адресованныхъ со всѣхъ концовъ Россіи въ редакцію газеты «Кавказъ», и заключающихъ въ себѣ вопросы о судьбѣ плѣнницъ.

шими своими дарами. Вѣна Кахетіи знамениты; жители трудолюбивы и обезпечены; довольство и здоровье ихъ свидѣтельству ютъ, что человѣкъ здѣсь умѣлъ воспользоваться всѣми сокровищами своего маленькаго земнаго рая.

Но раемъ этого рая должно назвать Цинондалы — имѣніе князя Давида Чавчавадзе, находящееся въ семи верстахъ отъ Телава (уѣзднаго города) и раскинутое на крутомъ берегу рѣки Чобахури, впадающей въ Алазань. Здѣсь, какъ въ сердцѣ страны, всегда сосредоточивалась вся внутренняя жизнь ея. Владѣлецъ съ семействомъ жилъ здѣсь большую часть года, и гостепріимствомъ своимъ еще болѣе, чѣмъ общественнымъ значеніемъ и почетнымъ въ краѣ именемъ, постоянно привлекалъ гостей изъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей. Цинондальское гостепріимство было широкое, патриархальное, извѣстное старому и малому въ Грузіи; но, несмотря на это, домъ цинондальскій всегда былъ полною чашей благословеннаго избытка. Нельзя здѣсь не припомнить стиховъ поэта, весьма-счастливо обрисовавшаго въ нѣсколькихъ чертахъ все то, что обыкновенно поражало и привлекало посѣтителей Цинондалы...

...Вотъ въ дали лазурью плещеть
Межъ садами Алазань,
Вьется лентою и блещеть
Какъ серебряная тканьъ.
Вотъ вершины снѣговья
Сквозь лазуревую высь,
Какъ ступени вѣковыя
Грозно къ небу поднялись...

Описаніе это совершенно-вѣрно; трудно себѣ представить что-нибудь величественнѣе и роскошнѣе вида, открывающагося съ балкона цинондальскаго дома на цвѣтистую Долину Алазанскую, съ безчисленными садами и селеніями, на величавую древность Алма-вердинскаго Монастыря и на снѣжныя горы главнаго Кавказскаго Хребта...

Алазань, луга и скалы,
Блескъ лазури, чудный видъ,
А направо Цинондалы,
Гдѣ блаженствуетъ Давидъ,
Князь почетный и любимый
Въ сонмѣ доблестныхъ князей!
Мчись мой конь неутомимый
Въ сей волшебный элизей...

Последнія слова поэта, по свидетельству самыхъ хладнокровныхъ почитателей Цинондалъ, не должны быть принимаемы за поэтическую метафору—нѣтъ, въ самомъ прямомъ значеніи этого выраженія, Цинондалы могли назваться элизеємъ, потому-что они были постояннымъ жилищемъ доблести, семейнаго счастья, красоты, всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ благъ, какими только Провидѣніе надѣляетъ своихъ избранныхъ на землѣ.

Но этотъ-то маленькій рай, этотъ, по выраженію поэта, волшебный элизей былъ похожъ на тѣ превосходные виноградники, которые растутъ на лавѣ и пеплѣ Везувія, всегда-готоваго поглотить ихъ. Только Кахетіи вѣчно грозитъ не огненная лава вулкана, а едва-ли не еще болѣе губительный потокъ хищническихъ вторженій. Кахетія, съ сѣверо-востока только однимъ горнымъ переваломъ отдѣлена отъ непримиримыхъ и древнихъ враговъ своихъ, лезгинъ, которыхъ тайныя, всегда-непредвидимыя, разрушительныя вторженія искони были карой для цвѣтущей грузинской провинціи. Здѣсь врагъ такъ близокъ, что мысль объ оборонѣ никогда не оставляетъ кахетинца, точно такъ, какъ никогда не оставляетъ его кинжалъ и винтовка. Но не всегда готовность къ оборонѣ можетъ ручаться за успѣхъ ея: иногда врагъ вторгается такъ неожиданно или съ такими значительными силами, что ему уже не въ-состояніи противиться разсѣянное, разбросанное населеніе. Иногда дѣлаются даже недостаточными всѣ мѣры предосторожности со стороны регулярныхъ войскъ, которыя содержатъ такъ-называемую Лезгинскую Кордонную Линію. На длинномъ протяженіи этой линіи, составляющемъ около 160-ти верстъ, войска занимаютъ важнѣйшіе пункты, изъ которыхъ быстро передвигаются, чтобъ пресѣкать путь непріятелю при вторженіи его въ край; но они не могутъ и не должны быть такъ разбросаны, чтобъ занимать каждую тропинку, по которой въ-состояніи пройти партіи горцевъ на-легкѣ, въ кратковременныхъ и быстрыхъ набѣгахъ своихъ. Бываютъ, хотя и рѣдко, случаи прорыва непріятеля чрезъ кордонную линію, и тогда войска стараются преградить ему обратный путь, чтобъ заставить его дорого поплатиться за дерзкое вторженіе.

Такой-то именно случай и былъ въ 1854 году причиною несчастія небольшой части Кахетіи и семействъ покойнаго князя Орбелани и князя Чавчавадзе.

Семейство князя Д. А. Чавчавадзе только за двѣ недѣли до вторженія лезгинъ прибыло изъ Тифлиса въ свое цинондальское